

Уроки родной истории

Пособие для юношества, агностиков и вообще

Культура. - 2002. - 24-30 окт. - с. 12.

Мы продолжаем публикацию цикла эссе известного писателя Вячеслава ПЬЕЦУХА (начало см. в №№ 35, 36, 38, 39).

В. Пецух

Накануне нового времени, когда в Европе уже вовсю работала философская мысль, идейная жизнь России отличалась крайней бедностью и, по сути дела, вся сосредотачивалась в идее, сформулированной схимонахом Елисавером монастыря Филофеем: Москва – прямая наследница славы цезарей, Третий Рим, столица мира, хранительница духовных ценностей во Христе. Откуда взялись такие неумные претензии у народа, который еще недавно платил дань диким степнякам, не знал искусства и науки, едва добывая хлеб насущный на своих супесях, – это довольно трудно осмыслить и объяснить. Может быть, дело в том, что русский человек того времени за год постиг свое всемирно-историческое значение, спроецированное на будущие века, как-то предугадал исполинский вклад России в строительство духовной цивилизации человечества, которые, впрочем, и в наше время осознаны не вполне. Во всяком случае, культурный русак ощущает если не превосходство, то что-то очень похожее на превосходство перед европейцем, конспецирующим в меркантилизме и простоте, хотя бы этот русак щеголял в латаных штанах и пил горькую натощак. Ведь чванлились же японцы, не знавшие даже огнестрельного оружия, перед голландцами, уже открывшими оптику и основные законы капитала, как если бы они провидели свою мощь...

Но вот что положительно не понять: отчего "нестяжатели" не одолели "иосифлян"? Потому что все-таки идею должны были взять верх сторонники Нила Сорского, ибо у бедных народов всегда торжествует идеалист. У нас оттого и родилась идея Третьего Рима, последней столицы мира, как у индийцев идея кармы и реинкарнации, что мы были наги, босы, жили в лачугах и каждый третий год сидели на лебедях. В России оттого и большевистская революция произошла, великий, нелепый, трагический, трагический опыт строительства царства Божия на земле, что мы европействовали и бедствовали как никто. То есть произошла она потому, что мы идеалисты, а идеалисты мы потому, что бедны, а бедны мы потому... Бог знает, отчего мы в действительности бедны. Просто-напросто давно замечено, что "земля наша велика и обильна", а мы бедны.

Европейские народы как раз в то время, когда у нас преобладали "нестяжатели" с "иосифлянами", уже всецело отдались коммерции и техническому прогрессу и, в конце концов, выдумали Интернет, имеющий то гуманистическое значение, что по нему можно передавать разные разности, кабы только не та загвоздка, что по-настоящему давно уже нечего передавать. Посему Спиноза, Паскаль, Сервантес суть явления, случайные для Европы, даже противостественные, поскольку они возникли вразрез магистрально избранному пути.

То ли дело в России: Нил Сорский – свое, Иосиф Волоцкий – свое, а вокруг" от колоса до колоса не слышать бабьего голоса", воронье кружит над чахлыми деревеньками в пять дворов, татары едут жнивьем на мохнатых своих лошадах, далеко слышится песня русачка, далекого на завалинке, жалкая и безнадежная, как объявление на развезд.

Накануне воссоединения России с Европой, то есть в последние допетровские десятилетия, хозяйство, вооруженные силы, администрация и общественные институты нашей страны находились в таком бедственном положении, что она уже не входила в число цивилизованных государств. Из реформ же Петра Великого мы извлекаем, в частности, тот урок, что у нас "поздно" равняется "никогда".

Действительно, воссоединиться-то мы воссоединились, но европейцами от этого не сделались, и по-прежнему основным законом у нас было беззаконие, грабничали на больших дорогах, обирали по казенным местам, и до того крепка оказалась московская закваска, что сам просветитель Петр сажал своих противников на кол, а после долго еще рвали ноздри и резали языки. Этот государь и награждать умел, но, кажется, напрасны были усилия строгости и любви: ближайший его сподвижник, светлейший князь и генералиссимус Александр Меншиков, наворовал столько казенных денег, что его состояние значительно превышало государственный бюджет, а безмерно любимая жена, императрица Екатерина Алексеевна, изменила ему с полковником Монсом, – случай первый, последний и немислимый при статусе русского императрицы. Генерал-прокурор Ягужинский прямо заявлял в Сенате, что на Руси казнокрадствуют все, только не все попадают, и конца этому занятию не видать.

Видимо, еще при Иване Грозном, а то в Смутное время, что-то сломалось в нашем генетическом аппарате, и мы никак не починаем по сей день. Между тем из-за этой внутренней неполадки и все реформы новейшего времени обречены в лучшем случае на половинчатость, в худшем случае – на провал. Вот восстановили у нас было мировые суды, но, говорят, деньги, отпущенные на это дело из казны, по пути растащили без следа.

Впрочем, еще неясно, какой именно человеческий тип благоприятствует истинному прогрессу: то ли они, которые не берут взятку, узки и скуноваты; то ли мы, которые без царя в голове, вороваты и широки.

Наш первый профессиональный литератор Михаил Васильевич Ломоносов, открывший историю новой русской словесности "Одой на взятие Хотина", вообще считал себя ученым, а свое стихотворчество – баловством. Однако граф Кирилл Разумовский, тогдашний президент Академии наук, ему говорил:

– Брось ты, Михайла Васильевич, свои дурацкие опыты! Ты же великий российский сочинитель – пиши стихи!

– Все-таки дозвольтесь, граф, также и наукой заниматься, – отвечал ему Ломоносов, – хотя бы на досуге, заместо бальярду...

Лубок "Народные картинки": Пантошка и Сидорки осматривают Москву. 1866 г.

Президент на это бывало какучасит и молчит.

В науке Михаил Васильевич особых высот не достиг, из стихов его достойны замечания только строки: "Открылась бездна, звезд полна./ Звездам числа нет, бездне дна"; всю свою жизнь жестоко воевал с русскими и немецкими оппонентами, пил горькую, умер пятидесяти четырех лет от роду и остался в родной истории первым русским ученым-естествоиспытателем, который на досуге писал стихи.

Это неудивительно, что викинги, придя господствовать в восточные славянские земли, уже через поколение обрусели: их было так немного, что они скоропалительно растворились среди на редкость плодородных полей, древлян, кривичей и прочая, и ничего от них не осталось, кроме самоназвания нашего государства – Русь. На самом деле удивительно, что после воссоединения России с Европой, последовавшего в начале XVIII столетия, мы как нация, как феномен не исчезли с лица земли.

Это потому удивительно, что вольные и невольные сподвижники Петра развели на Руси губительную пропасть иноземных понятий, обычаев, учреждений, слов, непосредственно иноземцев, которые до неузнаваемости изменили физиономию нашей государственности и старомосковскую нашу жизнь. Уже цвет нации говорил и писал исключительно по-французски, природную одежду носило одно податное сословие, то есть простонародье, топонимика пошла сплошь немецкая (это среди великорусских то пахитей и болот, хотя и у французов есть свой Шербург, а у немцев Сан-Сузи), явились еретические музыка и театр, хлеб насущный пошел в уплату за кельнскую воду и фламандские кружева. Но то-то и поразительно, что в конце концов не русские онемечились, а наши немцы обрусели, и вот даже не петербургские балерины танцевали а-ля франсэ, а парижские – а-ля рус. И уж на что евреи блистатели

своей крови, и те понабрали себе русских фамилий и до того прониклись отечественной культурой, что каждый третий великий русский поэт – еврей.

Надо полагать, нашему национальному духу свойственна редкостная, исключительная живучесть, а наша жизнь отличалась каким-то невнятным, но настоятельным обаянием, способным вносить коррективы в кровь. Характер этого обаяния действительно трудно поддается анализу, но среди очевидных его векторов – высокий стиль человеческого общения, литература, идеализм, конструктивная леность как особая благодать.

Впрочем, все равно обидно: со времен Владимира Мономаха ведущие европейские народы ушли от нас так далеко вперед, что подавляющее число понятий из современной жизни обозначается у нас словом, имеющим иноязычный корень и вчуже звучащим диалог, как у кокабриков наше "среднеарифметическое" или "шкаф": Да еще нынешние купчихи из бывших урок и комсомольских работников переняли наш язык нелепыми англосаксонизмами, так что не всегда поймешь, на каком-то языке газета пишет, на каком радио говорит. А ведь над этой поселковой паракультурой еще Гоголь издевался сто пятьдесят лет тому назад, да вот беда: урка и комсомольский работник про Гоголя максимум что слышал.

Одна надежда остается на неискоренимую нашу русскость, которая пережила и хана Бату, и Петровские реформы, и немецкий социализм; Бог даст, и нынешних купчих она как-то переживет.

Есть такое суверенное, будто бы наш соотечественник – существо несвободное по своей природе, поскольку он вечно рабоподобен перед властью предрождающими и его многотерпению нет конца. Это совсем не так.

Вот давно сложилось в России одно крайнее неудобство, которое способно отравить жизнь, – именно

у нас закон неписан, то есть законы-то есть, с "Русской правды" Ярослава Мудрого понаписано множество разных законов, но в то же время их как бы нет. Например, с дьявоности, а особенно после того, как мы собезьяничали модель европейской государственности, никакой русской закон не находился в таком небрежении, как закон о преемственности власти, сиречь первейший закон страны. Петр Великий отошел от обычного права и самодично сочинил закон о престолонаследии, однако как раз вопреки этому закону на трон села его жена. И прежде Петра государством противозаконно управляла матушка-царица Наталья Нарышкина, про которую князь Куракин говорил, что она была "женщина ума смиренного, править некапальбель", и много позже царем должен был стать младенец Иван VI, но престолом хищнически завладела цесаревна Елизавета, и Николая II полагалось сминить Алексею II, но тут как раз подоспели большевики.

Как же государство хочет, чтобы его граждане, то есть мы, всячески трудящиеся и обремененные, добывающие хлеб и поте лица своего, нукозначительно исполняли законы этого самого государства, если оно ими горное и манкирует, и, например, ни за что не засадит в холодную премьер-министра, который обидел ниши казначейство на миллиард. А Ищнова-Петрова-Сидорова государство не может сгноить в тюрьму за беремя дров... Недаром мы искони живем так, словно в нашей стране вовсе нет никаких законов, или по крайней мере они писаны не про нас. Эта позиция, конечно, может всякую отравить жизнь, но зато она подражает такую внутреннюю свободу, с которой не идет в сравнение никакие свободы, дарованные извне. И правда: средневзятый немец не может не работать и ему претит воровать в силу родовой заповеди, а наш человек настолько свободен, всецело и безбрежно, что он может работать, а может и не работать, может воровать, а может не воровать.

Английское подворье в Москве. XVI в.

Россия – это и для нас самих загадка, для русаков, хотя бы по той причине, что наша родная история возбуждает множество "почему", на которые только изредка находится соответствующее "потому".

При Алексее I Тишайшем часы в России считались восьмым чудом света, приговаривали к смертной казни за изъятие человеческого следа и производство над ним злонамеренной воровки, гражданские доблести были таковы, что казнокрадство считалось естественным, как личная гигиена, не всякий дворянин умел написать свое имя, и по весне Москва превращалась в северную Венецию, потому что по ней ни конному было не проехать, ни пешему не пройти. И ходу воине нам было только в сторону Северного сияния, и последним оплотом континента считались Соловецкие острова. Словом, такая это была варварская, убогая, никому не интересная страна, что иностранные посольства нас посещали реже землетрясений, которые у нас не случаются без малого никогда.

И что же? Стоило нам вернуться и Школу, как при жизни одного поколения мы заставили считаться с собой весь мир. После оказались единственной нацией на континенте, способной урезонить наполеоновскую Францию и гитлеровскую Германию, наладили лучшие в свете науки и образование, явили небывалую художественную культуру, наконец, поставили фантастический общественно-хозяйственный эксперимент. В общем, если бы наш мир не был так невежествен и нелюбопытен, он с трепетным вниманием относился бы к нашему Отечеству как явлению загадочно-чуждому в своей внутренней мощи, вроде той же тектонической энергии, которая в мгновения воздвигает хребты и сносит миллионные города.

Но откуда у нас эта внутренняя мощь, почему она пятьсот лет не давала о себе знать, какая пружина побдила ей развернуться? – это для нас темно.

Во время киевского восстания 1113 года наши праотцы разграбили в стольном городе все еврейские дворы, порезали множество мужчин и женщин из знатных фамилий и кое-где пожгли боярские усадьбы, покада сей разгул страстей не умирил князь Владимир Всеволодович Мономах. Во время московского восстания 1993 года до еврейских дворов дело не дошло, однако же пострадали федеральная собственность, и с обеих сторон было убито шестьдесят четыре человека, включая старушку, не в добрый час выглянувшую из окна. Стало быть, некоторое движение в сторону смягчения нравов вроде бы налицо.

То же самое касательно смертной казни: при Петре Великом еще сажали на кол, публично секли головы, вешали и аркебузировали, при Елизавете Петровне прилюдно больше секли кнутом и резали языки, в эпоху Екатерины отмечено две публичные казни, при Петре III, Павле и Александре Благословенном – ни одной, Николай I лишь театрализировал массовые расстрелы, Александр Освободитель, правда, множество народу перевешал на площадях, но при Николае Кровавом с инсургентами уже расправлялись втихомолку, за глухими стенами тюрем и крепостей. Кажется, последняя публичная казнь в России состоялась в 1944 году, когда при огромном стечении народа в Курске повесили несколько десятков пленных немцев, которые особенно злодействовали над мирным населением города и села.

Следовательно, история – это еще вот что: это если не движение в сторону смягчения нравов, то, по крайней мере, прогресс стеснительности; ассирийцы ничтоже сумняшея обивали стены городов человеческой кожей, а наш современник точно постесняется столь дикой технологии, из чего логически вытекает, что хотя бы в отношении отношения мы постепенно становимся положительней и добрей.

Вячеслав ПЬЕЦУХ

(Окончание следует)